

18+

М. Блинов

БЕНКЕНДОРФ

Максим Блинов

Бенкендорф

«Издательские решения»

Блинов М.

Бенкендорф / М. Блинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533510-4

Продолжение повести «На васильковой стороне». Главный герой пытается адаптироваться после увольнения из органов к нормальной жизни, испытывая при этом дискомфорт. Поскольку службу можно покинуть, но она никогда не покинет тебя. Книга об особенностях восприятия окружающего мира людьми в погонах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-533510-4

© Блинов М.
© Издательские решения

Содержание

БЕНКЕНДОРФ	6
МАНИФЕСТЪ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ВЕТЕР	11
АЭРОПОРТ	13
НЕ ЗНАЮ, ЧТО ИМЕННО...	18
ГОРОД	23
ЖУРАВЛЬ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бенкендорф

Максим Блинов

© Максим Блинов, 2023

ISBN 978-5-0053-3510-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕНКЕНДОРФ

Вместо эпитафии

*– Давай, приятель, иди сюда к микрофону! Ты! Да, ты! На сцену!
Иди, у тебя получится! Расскажи нам немного о войне – кричит толпа.*

– О войне во Вьетнаме?

– О войне в гребаном ВЬЕТ-НА-МЕ!

– Чтож... Я могу сказать о войне во Вьетнаме только одно...

Во Вьетнаме...

За сценой человек в форме трусливо вырывает из аппаратуры провода, звук пропадает. Выступающий некоторое время продолжает одному ему слышимую речь. Наконец, равнодушные люди отгоняют военного от сцены и исправляют поломку.

– ...Вот и все, что я могу об этом сказать.

– Отличная речь, дружище! Нечего добавит!

Отрывок из фильма «Форест Гамп»

МАНИФЕСТЪ

Въ дни великой имитации борьбы съ несуществующимъ внѣшнимъ врагомъ, стрѣмлящимся двадцать летъ обосцывать наши парадные и влиять на удорожаніе гречневой крупы, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся из-за покрытаго плѣсенью бесхозяйнаго дворца и блуждающей команды императорскихъ алхимиков-асассиновъ внутреннія народныя волненія грозятъ бедственно отразиться на совмѣстномъ нашемъ походе въ необозримое, но светлое будущее.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы въ своѣмъ Лэнгли и Бундесвѣре, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша, совмѣстно со славными союзниками – Сирией, КНДР, Ираномъ и Туркменистаномъ, сможетъ окончательно сломить врага.

Но въ этотъ вѣликий для Отчизны моментъ некій хамъ и выскочка, бывший старшій оперуполномоченный по фамилии Блиновъ, написалъ гадкій пасквиль про свою службу въ Пермскомъ управлении Третьяго отдѣленія его императорскаго величества тайной канцеляріи, разлагая темъ самымъ личный составъ правоохранительной системы и спецслужбъ. Подрывая веру офицеровъ нашихъ въ справедливость ввѣреннаго имъ (и все чаще) несправедливаго дела.

Ай-яй-яй... Какъ нехорошо получилось...

Посему повелеваю:

1. Писать пасквили Блинову и другимъ проходѣмцамъ запретить.

2. Сотрудникамъ и бывшимъ сотрудникамъ органовъ про литературные труды забыть. Свою точку зрѣнія на рассматриваемые вопросы аккуратно засунуть въ задницу и руководствоваться при формировании мнѣнія о службѣ только сведениями изъ официальныхъ пресс-релизовъ Третьяго отдѣленія.

3. Поставить сие величайшее повеленіе на контроль въ управлении собственной безопасности и управлении по связямъ съ общественностью Третьяго отдѣленія.

4. Гульфиговую зону трусовъ проходѣмца Блинова до особаго распоряженія не трогать.

Молитесь за вашего Государя.

Отступать некуда, позади Гѣленджик!

31 июля 1820 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы внимательно прочитали эпиграф и манифест, то, скорее всего, уже догадываетесь, чему будет посвящено введение к данной повести. К великому сожалению, для общего понимания всей картины происходящего мне придется ненадолго погрузить читателя в суровые бюрократические коллизии последних изменений в действующем законодательстве. Без этого никак. Хотя начать хотелось бы сразу с искрометных прибауток, политических анекдотов и поругания бесчестия Николая Ежова.

С момента публикации первых «Васильков» очень многое изменилось. В частности, в федеральный закон, регламентирующий деятельность ведомства, к которому я был когда-то причастен, внесены изменения от 31 июля 2020 года. Сделано это, естественно, без лишнего шума и обсуждения в СМИ, поскольку данные изменения вводят самую настоящую цензуру в вопросах освещения деятельности российских спецслужб. Так что теперь подобные сведения возможно публиковать, опираясь исключительно на точку зрения официальных пресс-релизов ведомства.

Кроме этого, исходя из сути принятых изменений в закон, можно сказать (вернее, промолчать и показать жёстами), что теперь не только бывшие, но и действующие сотрудники не смогут просто так рассказывать окружающим не только о своих подвигах, но и о принадлежности к службе вообще, если это может создать угрозу собственной безопасности органов и (или) нанести ущерб их репутации. А угрозу эту, естественно, можно увидеть в чем угодно.

Разбор полетов в данном случае будет примерно следующим.

– Ты сдурел?! Зачем ты спрашивал на кассе в Пятерочке, когда будут хорошие скидки на брюкву? Тебе что, платят мало? Большой что ли? Ты же нанес непоправимый ущерб репутации органов, гад!

Или другая ситуация.

– Что ты наделал?! Как ты мог сказать своей жене, что вместо Анталии вы с ней будете двадцать пять ближайших лет отдыхать исключительно в Алушке? Хотя даже это не точно. Ты что, с дуба рухнул?! Нанес ущерб репутации органов, которые неустанно заботятся о социально-бытовых условиях жизни сотрудников и членов их семей, и стоишь тут как чмо в нестиранной «балаклаве».

Короче говоря, на любой вопрос «как служба?» теперь придется передавать ответ собеседнику силой мысли. Хотя, если вас поймут на таком жульничестве, то и это тоже будет нарушением закона. Потому что ответ на этот вопрос в любом случае будет неприличным и явно наносящим ущерб репутации не только органов, но и всего современного мироустройства.

Так что в настоящий момент писать про российские спецслужбы просто так нельзя. Даже свободный оборот аббревиатуры известного всем ведомству теперь находится под запретом.

По новым правилам перед публикацией любого художественного труда об органах необходимо получить соответствующую экспертную оценку и разрешение в самих органах. Для этого в них сформирован специальный экспертный совет из нескольких седовласых старичков с образованием преимущественно конно-балетных курсов КГБ. И уже они будут решать, что стоит публиковать, а что не стоит.

Думают же эти старички примерно так.

Вот из-за таких предателей как Блинов кругом бардак! А что если ЦРУшные кукловодо-куколды Майк и Ник из Берлина и Варшавы используют полученные из его дурацких книжек художественные сведения в ущерб безопасности нашей великой страны? А?! Пенсионный возраст же снова самостоятельно поднимется, а НАТО не просто приблизится к нашей границе, но и захватит деревню Жопино.

А этого допустить нельзя. Хоть это и Жопино, но это наше Жопино. И никаким пендосам не позволено проникать в наше великое многострадальное Жопино, хоть оно и выглядит потаскано и невзрачно. Мы сами своему Жопино хозяева, и вольны изгаляться над ним, как заблагорассудится.

Особенно комично на фоне этого безумия выглядит то, что другими изменениями в закон сотрудникам спецслужб разрешили получать второе гражданство. Да, да! Именно так!

По неведомой логике это обстоятельство, в отличие от написания художественных произведений, совершенно не угрожает безопасности государства.

Поэтому, основательно все обдумав, я решил не упрашивать каких бы то ни было маразматиков с несколькими гражданствами о публикации, поскольку это претит чувству собственного достоинства.

Так что рассказывать про службу в современных российских спецслужбах я не буду. Ни про свою, ни про чужую, ни про современные спецслужбы вообще. С этим отлично справляются сериалы «Тайная стража», «Морские дьяволы» и «Возвращение Мухтара», награжденного медалью «За отличие в контрразведке» прямо на шерсть.

Вместо этого, по совету своего адвоката (назовем его условно «Генрих Падла»), я постараюсь применить оперативную смекалку и написать художественное произведение на абстрактную тему, но в некоторой степени затрагивающее вопросы службы в иных органах, при этом в изменяющихся и перетекающих исторических периодах.

Сделаю я это, по наставлению того же самого Падлы, от третьего лица. Дабы не возникало вообще никаких претензий, и уровень холинэстеразы в моем организме остался на прежнем уровне.

Сначала я думал назвать своего персонажа Фандориным, но... у Бориса Акунина такой литературный герой уже есть. Хорошо, подумал я, пусть тогда будет Иваном Дорном! Но и тут меня постигла неудача, поскольку Иван Дорн реально существует и уже давно поет свои украинские песни. А что ему еще остается делать, если он украинский певец?

Поэтому, чтобы долго не выдумывать, я решил выбрать для главного героя обычную и совершенно случайную русскую фамилию – Бенкендорф. И точка!

Оперативные псевдонимы для других персонажей мне придумывать лень, поэтому они останутся прежними. Эти герои не имеют никакого отношения к своим первоначальным прототипам и являются самостоятельными.

Удивительно, но такие повествования под надзор цензуры пока не попадают. Надеюсь, что никогда и не попадут. Хотя, не исключаю, что после прочтения данного труда у моих обожаемых седовласых «друзей» из одной известной всем организации появится желание придумать дополнительные запреты.

На этом вступительная часть повествования заканчивается.

Как говорил Максим Максимович Исаев «пожалуй, пора начинать!».

Мы расскажем вам о некоторых событиях последней военной весны... Последней весны войны... Через три месяца фашизм будет разгромлен, а сейчас ожесточенные бои идут на Одере, под Будапештом, в Померании... Мы расскажем вам лишь о семнадцати днях этой весны...

Сразу предупреждаю, что ничего из этого я описывать не буду, но приведенные строки появились выше не случайно. Мой шеф-редактор был против повторного использования в новой повести дисклеймера из сериала «Фарго», поэтому назло ему я решил втиснуть в начало этот тизер «Семнадцати мгновений весны». Пусть содрогнется от неожиданности и подавится сельдереевым фрешем!

На самом деле я расскажу вам о некоторых событиях предпоследней осени 10-х годов XXI века. Так что, вместо героических «Семнадцати мгновений весны» на бумаге будут отра-

жены скорее «Двенадцать часов осени», потерявшегося в какой-то момент жизни среди своих и чужих бывшего спецслужбиста Бенкендорфа.

ВЕТЕР

Осенью ветер в этом городе всегда был особенно свирепым. Он постоянно дул с непредсказуемых сторон, разбрасывая по улице опавшие сухие листья и страшно раскачивая в разные стороны верхушки ободранных деревьев. Это было обычным явлением. Но сейчас у Бенкендорфа складывалось стойкое впечатление, что ветер все-таки решил закончить начатое и сдуть этот город целиком к чертовой матери с лица земли.

Перебирая в руках телефон и стараясь не упасть под действием стихии, Бенкендорф уже целую минуту пытался поймать «окно» между его завываниями и другим шумом, чтобы ответить на звонок. Он вертел головой в разные стороны, шурился как монгол и, так и не дождавшись хоть небольшой паузы, с безысходностью нажал на телефоне нужную кнопку, прислонив трубку к уху.

– Алле? Бенкендорф? Не сдох еще? – спросил его как всегда нагло и бестактно Лысый – Агентство Федеральной Безопасности, Лысый моя фамилия – добавил он, явно подражая одному из персонажей известного милицейского сериала.

Бенкендорф выдержал паузу, три раза выдохнул и спокойно ответил, не обращая внимания на эти позорные ужимки своего бывшего начальника.

– Говори, я слушаю.

– Ты че трубку-то не берешь? Зайди сегодня в отделение, тебе надо в документах расписаться. И связь у нас накрылась, надо починить.

От неожиданности услышанного, Бенкендорф нечаянно открыл рот, который тут же раздулся налетающим ветром как парус. Не зная, что же ему конкретно ответить, он все-таки попытался начать с очевидного факта.

– Куда зайти? Я уже полгода как уволился. Какие документы, какая связь?

– Мы задним числом за тебя документы сделали, надо их подписать. Между прочим, сами делали! За тебя! А это должен был сделать ты! Со связью тоже надо разбираться, опять накрылась. После того как ты уволился, она постоянно ломается. Ты с ней что-то сделал, да?! Специально, да?! Приходи и исправляй! – Лысый по ходу разговора как всегда начал распалтасываться.

– Погоди ты... – все также спокойно перебил его Бенкендорф – Давай лучше уладим другую проблему.

– Какую еще проблему? – переспросил Лысый и на некоторое время замолк.

– Есть одна проблема, куда уж без них. Мне тут из милиции звонили, на тебя жаловались. Говорят, АФБ обещало их сотруднику службу жизнь не портить за содействие и расклад по реализованным материалам. Говорят, что ты сейчас отказываешься от всех этих договоренностей, теперь уже на него самого материалы в следствие передаешь? Срубили, говорят, палку и смылись. Наобещали и не выполнили. Парня уже сейчас увольняют, а потом могут и уголовное дело возбудить. Мне хорошие люди теперь претензии предъявляют. Что за дела?

– Кто там кому что обещал? – сходу заверещал в ответ Лысый – Я ему ничего не обещал! Ты если обещал, ты и делай.

– Ну как это не обещал, если мы вместе с тобой на всех совещаниях от имени конторы разговаривали. Я не пойму, тебе что, сиюминутные показатели нужны любой ценой? Ты после этого как с людьми работать собираешься, кто тебе после такого поверит? – Бенкендорф пытался взывать к голосу разума, но все было бесполезно.

– Нормально буду работать, я всегда так работаю – самоуверенно ответил Лысый и усмехнулся – Хе-хе. Это был твой человек, твоя ситуация, ты и разбирайся. Хотя чего ты сейчас сможешь? Ты теперь пустое место...

Поскольку мирно урегулировать эту искусственно созданную Лысым проблему явно не получалось, Бенкендорф решил прибегнуть к последнему средству, которое он разработал еще до этой беседы. Средство было супернадёжным, быстрым и действенным.

– Лысый, послушай – проговорил Бенкендорф как можно четче в трубку – Кончай твою ерунду. У тебя ничего не выйдет, никаких халаяных «палок» ты не срубишь. Мне просто ничего не остается, как заступиться за человека, записаться на личный прием к генералу в ГУВД и объяснить ему ситуацию. В конце концов, это его епархия, а не твоя. И к нашему генералу тоже на прием запишусь, пусть он с тобой разбирается. Думаю, что у меня все получится. А ты как думаешь?

Лысый на мгновение затих. При таких раскладах никаких шансов на успех у него не оставалось. Поднятой шумихи вокруг очевидно несправедливого события ему бы точно не простили.

– Лысый, улаживай вопрос. У тебя два дня, потом я иду к руководству.

– ...Бенкендорф, ты зайди в отделение, переговорим. Жалко ведь, такой материал пропадет, а у нас годовой отчет скоро. Заодно и связь починишь – откликнулся он на другом конце сотовых радиоволн.

– Не зайду, мне некогда – Бенкендорф все это время закрывал лицо от ветра руками, щурился и шел с заметным усилием навстречу его порывам.

– Некогда? Работу все ищешь? Ну, ищи-ищи. Посмотрим, как это у тебя получится. В наших краях ты теперь точно ничего не найдешь.

Последние слова Лысого из-за усилившегося ветра Бенкендорф почти не слышал, их звуки доносились откуда-то издалека. Но и ему самому теперь уже было не до слов. В какой-то момент ветер неожиданно ударил Бенкендорфа по лбу так, что ему пришлось из-за боли убрать телефон от уха. Он непроизвольно содрогнулся всем телом, сжался и...

Проснулся.

Разомкнув глаза, Бенкендорф почувствовал на лице холодные потоки сквозняка в полупустой автобусной маршрутке. Она лихо маневрировала из стороны в сторону, активно разгонялась и потом тормозила, приближаясь к аэропорту.

Небрежно почесав свою седую голову и побитый лоб, Бенкендорф окончательно пришел в себя. От неудобства вынужденной позы, ему захотелось перенести вес тела вперед. Поэтому он уперся головой в тот самый поручень, о который, скорее всего, так неудачно и долбанулся во сне головой во время лихих разгонов-торможений.

«Господи, вспомнится же такое» – подумал он – «Все же нормально тогда закончилось. Почему постоянно эта хрень снится? Надо срочно найти работу, иначе так и будет этот лысый придурок настроение портить».

АЭРОПОРТ

Самолет заложил крутой вираж, приближаясь все ближе и ближе к поверхности земли. Пассажиры, которые явно не были профессиональными летчиками, в количестве минимум 200 человек, сидя в своих креслах, предсказуемо изобразили на лицах выражение абсолютной безучастности к происходящему.

Бенкендорф давно заметил эту закономерность. Когда происходит взлет, все пассажиры делают вид, что окружающая опасность и непредсказуемость момента их никак не интересует. Особо плюющие на аэродинамические свойства многотонной алюминиевой махины под названием самолет дамы и господа вообще закрывают глаза и делают вид, что спят.

На высоте же народ моментально приходит в сознание и изобретает себе занятия. Например, сосед Бенкендорфа слева, беспробудно храпящий на взлете как сомнамбула, проснулся, как только самолет занял эшелон. Естественно, он тут же в порыве геройства устремился в туалет, создавая при этом невообразимые неудобства окружающим. Такой суетливый тип людей Бенкендорф искренне ненавидел.

Второй его сосед на взлете не спал. Он сидел, крепко вцепившись в подлокотники синими пальцами, с видом полной отстраненности и стеклянным взглядом. На высоте же, почувствовав, что беда миновала, он достал из рюкзака планшет и начал с энтузиазмом играть в малопонятную современному человеку игру «цветастые шары».

Это страх, подумал Бенкендорф.

Система оповещения самолета пропиликала два раза, и он начал снижение. На посадке большинство пассажиров вновь резко закрыло глаза, делая вид, что спит. Остальная их часть сидела без движения, боясь причинить самолету хоть какие-то нарушения в навигации. Что поделаться, разбиться в самом конце пути никому не хочется.

Бенкендорф же ворочал головой в разные стороны и разглядывал в иллюминаторы огромный, приближающийся откуда-то снизу, мегаполис. Были уже видны и четко различимы дома и дороги. По ним двигались мелкие, как бактерии в микроскопе, автомобили. Также были видны многочисленные строительные краны, свидетельствующие о непрерывном разрастании этого железобетонного пятна на теле планеты.

Пассажиры, включая спящих, осмотрели себя и проверили ремни безопасности. Бдительные стюардессы перепроверили вообще за всеми соблюдение правил полетов, после чего и сами расположились впереди салона. Бенкендорф отчетливо видел их молодые и симпатичные лица, с накрученными на головах тугими култышками. Выполнив свою важнейшую функцию, стюардессы присели на специально выделенных для них местах и о чем-то зло переговаривались друг с другом, поправляя макияж.

Это ненависть, подумал Бенкендорф.

Страх и ненависть огромного города!

В салоне погасили лампы накаливания, и смотреть вокруг на серые скорбные лица, подсвеченные в лучших традициях фильмов ужасов разнообразными гаджетами снизу, стало не интересно. Бенкендорф достал из кармана впереди стоящего сидения журнал и начал в него вглядываться сквозь темноту. Журнал был цветастым и веселым. На первых же страницах издания генеральный директор авиакомпании лично поблагодарил Бенкендорфа за проявленное доверие к профессионализму подчиненных ему сотрудников и вверенное авиакрыло. Бенкендорф немного засмутился, но в глубине души был рад за такое внимание к своей персоне.

Далее шли красивые фотографии мест, одеколонов и мужских часов. Этих мест Бенкендорф в жизни не видел, дорогим одеколонам предпочитал родной «Шипр» и носил для антуража часы Swatch за 100 евро с давно остановившимися стрелками. Просто для красоты и создания имиджа успешного человека. Так что предложенные для ознакомления картины

ликования и счастья выглядели для Бенкендорфа недостижимо пафосно и торжественно. Примерно в середине журнала Бенкендорф наткнулся на научно-познавательную статью, которая его явно заинтересовала. Называлась она совершенно эзотерически – «Сок или газировка?».

«Умеют же люди создать интригу» – подумал Бенкендорф и поднес разворот журнала ближе к лицу, чтобы оценить сей манящий шедевр как можно скорее. С трудом разглядывая в темноте буквы, он попытался вникнуть в написанное.

«Каждый из вас, дорогие друзья, сталкивался с необходимостью нелегкого выбора в полете предложенных напитков. И сегодня я расскажу вам несколько секретов этого процесса, которыми сама пользуюсь в долгих перелетах...». Бенкендорф покачал головой и причмокнул, уяснив для себя суть современных глобальных проблем пассажиров при авиаперелетах. Пробежав взглядом все эмоциональные пассажи многострадальной женщины-репортера, он перешел непосредственно к научным выкладкам, находившимся в самом конце повествования.

«...Безусловно, кобальт, содержащийся в газировке, крайне негативно сказывается на здоровье, поскольку это металл, который очень трудно вывести из организма. Поэтому я, как человек, налетающий за свою жизнь немало бонусных миль, советую всем брать в полет обыкновенную питьевую воду...».

Бенкендорф медленно и аккуратно свернул журнал в штатное положение и закинул его обратно в карман сидения. После прочитанного богохульства, ему срочно хотелось вымыть руки и глаза, но ходить по салону было уже нельзя. А простую воду он с собой взять и не подумал, поскольку тогда еще не знал совета этого выдающегося химика-теоретика, налетавшего кучу бонусных миль. Не было даже чертовой газировки с повышенным содержанием кобальта, которой он на эти благие цели, несомненно, тут же воспользовался бы безо всяких угрызений совести!

Ему представилось, как писался этот сюжет.

Утро. Женщина лет за 45 со спутанными волосами и явными признаками вчерашнего перепоя вспоминает, что должна была еще вчера написать актуальную статью для стильного, модного и молодежного журнала. Но в голову ничего не идет, кроме мыслей о вязкости и сухости во рту. Она подходит к холодильнику, открывает его и жадно пьет уже давно испортившийся апельсиновый сок. Эта мерзкая холодная кислятина вызывает у нее приступ изжоги, и приходится запивать ее еще более старым Тархуном. Перед тем, как выбросить пустую бутылку, она оглядывает ее этикетку мутными глазами и видит две загадочные буквы СО. После этого происходит моментальное озарение, как у Менделеева! И сюжет будущего шедевра становится ясен без лишних слов. И плевать, что СО – это углекислый газ, а не редкоземельный кобальт. Бумага все стерпит. И редактор стерпит, потому что он обычный физик-ядерщик, который привык писать только узкопрофильные труды про гиперзвуковые ракеты на солнечных батареях. По крайней мере, на химию ему точно плевать. А читатели и вообще не заметят этого наглого подлога, поскольку в большинстве своем они профессиональные кардиохирурги, и химия вместе с кобальтом их тоже несколько не интересует.

Фантазия рисовала Бенкендорфу все более и более мрачные картины этой нелепой, но в то же время целиком отражающей удручающий характер окружающей действительности, ситуации. Внезапно его задумчивость прервал бодрый голос командира воздушного судна. Скорее всего, юриста-международника по специальности, либо агронома-кукурузовода.

– Уважаемые пассажиры, мы готовы к посадке. Просим еще раз проверить, пристегнуты ли ремни безопасности, приведены ли в вертикальное положение спинки сидений, открыты ли иллюминаторы и убраны ли столики впереди стоящих сидений.

В какой-то момент самолет громко выдвинул шасси, отчего несколько спящих пассажиров с закрытыми глазами отважно вздрогнули. Система оповещения пропиликала четыре коротких раза, и поверхность земли начала приближаться в геометрической прогрессии. Под

иллюминатором неожиданно показалась взлетная полоса, после чего самолет успешно приземлился. На часах было ровно 6 часов 30 минут утра.

Пока электромеханическая птица осуществляла руление по многочисленным дорогам и дорожкам к месту своей парковки, люди начали отстегиваться от ненавистных ремней и доставать с верхних багажных полок свои рюкзаки и сумки. Удивительно быстро на лицах людей выступили благодущие и героизм, что очевидно бросалось в глаза. Бенкендорф сидел спокойно и ждал окончания своего путешествия, наблюдая за происходящим вокруг социальным экспериментом. Торопиться ему было некуда, поэтому он спокойно анализировал происходящие в людях метаморфозы и делал короткие выводы.

– Уважаемые дамы и господа – снова заговорил командир корабля – Наш самолет прибыл в аэропорт Шереметьево города Москвы. Время шесть часов тридцать минут утра, погода за бортом плюс восемнадцать градусов Цельсия. Просьба не отстегивать ремни безопасности и находиться на своих местах до окончания движения самолета.

Пассажиры не обратили на этот монолог совершенно никакого внимания и продолжали толпиться в проходе. Наконец, две стюардессы выдвинулись с носа корабля и принудительно рассадили по местам всех митингующих, нагло нарушающих устоявшиеся империалистические традиции воздухоплавания.

Как только подогнули трап и открыли двери, люди скопом двинулись на свежий воздух. Бенкендорф тут же выпустил своих соседей и уселся обратно. Благодаря накопившемуся опыту он точно знал, что все ломанувшиеся к выходу пассажиры в один автобус не влезут, поэтому будут стоять под открытым небом и, возможно, даже дождем как пилигримы. Подождав положенное время, он накинул на плечо кофр для ноутбука и направился к выходу.

Уже давным-давно отдал предпочтение такому виду ручной клади вместо громоздких спортивных сумок или чемоданов. Это было гораздо более удобным! Это было более практичным! Это не привлекало внимания!

Еще на службе в Третьем отделении его императорского величества канцелярии Бенкендорф понял, что ходить с пустыми руками в управлении или за его пределами является крайне дурным тоном. Сразу видно, что жандарм, не отягощенный хоть каким-нибудь видимым атрибутом службы в рабочее время, является тайным троцкистом и явным бездельником.

Поэтому, выбирая себе предмет причастности к великому делу, Бенкендорф исходил из следующих соображений. Передвигаться по управлению с резиновой палкой ПР-1826 можно было только в спортзале, поэтому он сразу отказался от этой идеи. Ходить по управлению в «балаклаве» также было не лучшим вариантом, поскольку это приспособление не позволяет однозначно тебя идентифицировать из толпы, а значит и теряется всякий в нем смысл. Папки для документов были неудобными в обращении, поскольку у них не было ручек. Ходить с барсеткой было можно, но не модно. А какой порядочный жандарм не следит за тенденциями высокой моды?

Таким образом, выбор Бенкендорфа пал на единственный стоящий вариант – наплечный кофр для ноутбука. Носил он его, естественно, без ноутбука, поскольку тот был китайский, крайне секретный, а поэтому и очень тяжелый. Через некоторое время подобной имитации труда, Бенкендорф еще раз порадовался своей проницательности и способности предсказывать будущее, поскольку для кофра появилось и более прикладное применение.

В саквояж влезало ровно десять банок пива, которые были незаменимым средством в деле общения с людьми. Особенно с полицмейстерами. Хоть жандармов и не досматривали на входе в здания полиции как других простолюдинов, разночинцев и мещан, заходить с пакетом бутылок, брякая при этом тарой и засвечивая на всеобщее обозрение этикетки, было полнейшей глупостью. Так, методом проб и ошибок, Бенкендорф научился аккуратно складывать в этот самый кофр ровно десять банок пива. В простонародье – целый ящик.

Через некоторое время, когда он выходил на оперативные просторы и рыскал как гиена в поисках какой-бы ценной информации урвать, нередко раздавались радостные реплики городских.

– Привет старшим братьям!

– Привет!

– Зайдешь к нам сегодня?

– Зайду, если нужно. «Ноутбук» брать?

– Помилуйте, Александр Христофорович! Конечно, берите! Я сегодня с дежурства, так что завтра свободен. Надо сегодня нормально документов «напечатать», а то потом некогда будет.

В таких случаях все было изначально ясно, и вечер заранее переставал быть томным. К концу рабочего дня в обязательном порядке организовывался офицерский бал с аксельбантами, музицированием на фортепьяно и хвалебными речами в адрес государя-императора. Заканчивались же такие вечера неизменно – пивом и водкой.

Так что кофр был давним спутником Бенкендорфа в его дальних походах и необычайных приключениях. Естественно, он и сейчас был с ним, правда в «не боевом» состоянии и без патронов.

Как только людей в салоне самолета почти не осталось, Бенкендорф в гордом одиночестве десантировался из него наружу. Автобус долго вез его к терминалу выхода из аэропорта, постоянно сворачивал, делал крюки по нарисованным на асфальте полосам движения и останавливался. Вскоре, все счастливы, которые успешно долетели до Москвы на разваливающимся и гнивающим гейропейском Аэробусе, а не на высокотехнологичном и безопасном флагмане мирового авиастроения Сухом Суперджете, были выпущены на свободу.

Бенкендорф зашел в автоматические двери аэропорта и двинулся в его глубину. Несмотря на утренний час, вокруг было солнечно и оживленно. Люди вокруг передвигались с обклеенными пленкой чемоданами на колесиках, а иностранцы рассматривали на стеллажах местных сувенирных лавок произведения современного поп-арта и древнерусского искусства. Бенкендорф обратил на них внимание и решил подойти поближе. То ли немцы, то ли австрийцы (явно – шпионы!) тыкали пальцами в стекла витрины и громко обсуждали увиденное. Бенкендорф посмотрел сначала на них, а потом на витрины и понял, что так заинтересовало потенциальных врагов. Было очевидно, что эти дикари совершенно в искусстве не разбираются и не хотят приобретать скрепно-русские сувенирные матрешки с криво наклеенными страшными рожами буквально даром! Всего лишь за восемьдесят тысяч российских рублей!

– И вот как, спрашивается, уважающий себя шпион Тройственного союза спокойно живет без хотя бы одной матрешки в доме? – подумал Бенкендорф – Еще и денег жмет на ее покупку? Неужели вам, паразиты, жалко мелочи из карманов на такую красоту? Или на культурный быт сотрудников в вашем БНД средств не выделяют? Как и у нас...

Бенкендорф смотрел на этих иностранцев широко раскрытыми глазами, как на диковинных зверей, и ухмылялся, слушая отрывистую гортанную речь. Через какое-то время иностранцы заметили негласное наблюдение со стороны посторонней протокольной физиономии и, неукоснительно следуя своим империалистическим секретным приказам, убыли восво-яси. Бенкендорф глядел им вслед, поскольку видел настоящих шпионов первый раз в жизни и не знал что делать. То ли задерживать их, следуя инстинктам, то ли прикинуться заблудившимся водопроводчиком. То ли бежать в местное отделение Третьего, мать его, отделения со срочным донесением, то ли как обычно сделать вид, что ничего странного не видел. Шла ожесточенная борьба мотивов, и он продолжал стоять как болван, перебирая в руках свой пустой кофр, и усиленно шевеля желваками.

Особенно нелепо он выглядел со стороны на фоне этих самых разноцветных и осиротевших матрешек, которые ему сразу же захотелось купить просто из жалости, хоть это и казалось безумием.

Именно в этот момент ему было нужно что-либо практичное и с характером. Простое и то же время, с истинным вкусом. Отечественное и патриотичное. Доступное и искрометное. Короче, не знаю что-именно...

НЕ ЗНАЮ, ЧТО ИМЕННО...

– Товарищи офицеры! – прозвучала команда, и все присутствующие дружно встали.

– Товарищи офицеры – ответил мягко высоченный статный мужчина в эпатажно дорогом деловом костюме, торжественно прошествовал к главенствующему креслу и также мягко на него плюхнулся. Сказать, что он взвалился на него всем весом, было бы неверным, поскольку кресло даже не скрипнуло.

Бенкендорф знал, что этот огромный человечище ростом под три аршина в свое время оканчивал Императорский институт новейших и секретных паросиловых бронемашин, называемых английским словом «Танкь». Ввиду того, что с такой богатырской комплекцией бронемашину можно было легко сломать, шефу пришлось определиться на службу в Третье отделение, куда брали вообще всех подряд. Стулья в отличие от танков здесь ломать разрешалось и даже приветствовалось. Считалось, что чем больше стульев сломано твоей сидящей задницей, тем интенсивнее ты трудишься.

Несмотря на свой грозный вид, его высокоблагородие был доброжелательным и веселым человеком, что в Третьем отделении встречалось крайне редко. В основном, все вокруг ходили с загадочным видом в иллюзиях важного государственного дела. Соответственно, все были настроены серьезно и решительно.

– Итак, что мы имеем – полковник открыл красивую дерматиновую папку с золотистой эмблемой и начал раздавать присутствующим документы своей огромной пятерней.

– Тэээ... Держите, это подписано. Это не подписано, шрифт неверный. Это не подписано, отступы от края страницы не выдержаны. Это тоже не подписано, это тоже, и это. Вы почему-то упорно пишете «оперативно-рОзыскной деятельности» вместо «рАзыскной» и инициалы шефа губернского управления ставите в конце, а не вначале. Бардак-с! Смотрите, там стоят пометки, поправьте все что нужно. Остальное – в мусорку, вообще никуда не годится! – Полковник очень быстро раскидал среди сотрудников почти целую пачку бумаги, захлопнул папку формата А4, казавшуюся в его руках блокнотом, и отложил ее на край стола.

– Теперь перейдем к более важному делу – продолжил он, пристально вглядываясь каждому из присутствующих в глубину души – Только что у шефа было совещание, и нам поставили следующую задачу. Скоро в нашей губернии состоится очень важное мероприятие. Коллегия по округу, которую будет принимать... Сам – он многозначительно поднял глаза под потолок, отчего даже немного уменьшился в габаритах. За каждым подразделением закрепили собственный участок обеспечения, а нам поручено организовать награждение присутствующих памятными сувенирами.

Нужно что-либо практичное и с характером. Простое и в то же время, с истинным вкусом. Отечественное и патриотичное. Доступное и искрометное. Короче, не знаю что-именно... Так что слушаю ваши предложения. Вы же опера, придумайте что-нибудь, в конце концов!

В кабинете после его слов повисла пауза, поскольку на приказе «Ты же опер!» далеко уехать еще никому не удавалось.

Бенкендорф чувствовал на себе тяжелый взгляд руководства и не знал, что ответить. Его непосредственный начальник, Апостол, присутствующий на совещании, судя по виду, тоже были обескуражен поставленной задачей. Хоть на первый взгляд поручение и казалась простым, но это было не так. С учетом бюджета мероприятия, который хоть и не был озвучен, но точно был меньше, чем ничего, приказ и вовсе был невыполнимым.

Поэтому на ум Бенкендорфу упорно лезли только простые и искрометные китайские брелоки-лазеры и доступные подарочные сертификаты в спа-салон. Между ними почему-то мелькали, бесспорно, обладающие шармом, практичные портреты государя-императора, которыми можно было закрывать пятна на обоях. А также патриотичные отечественные государствен-

ные флаги. Конечно, можно было бы предложить в качестве сувениров реплики «Спасибо, что приехали» и дружеские похлопывания по плечу. Не исключено, что эта идея кому-нибудь из присутствующих даже бы понравилась.

Но предлагать свои варианты Бенкендорф не спешил. Он точно знал, что лучше прослыть немного туповатым, чем предложить какой-нибудь безумный план и потом самостоятельно его осуществлять, преодолевая все тяготы и лишения военной службы. Первым правилом этого «бойцовского клуба» была заповедь о тотальной наказуемости инициативы. Поэтому следовало сидеть и помалкивать.

За первым правилом «бойцовского клуба» неизбежно следовало и второе – как только план действий утверждался и неизбежно терпел крах, общими правилами офицерского этикета было принято тыкать пальцем и чморить предложившего его недалекого сотрудника. Прямо как в детской игре про «Солнце вышло из-за тучки, все глисты собрались в кучку и т.д.». К этому времени Бенкендорф уже набегался по граблям, и начинать очередную авантюру самостоятельно ему не хотелось.

Присутствующие на заседании смотрели друг на друга молча, как истинные профессионалы своего дела. Каждый из них знал, что эти негласные правила, как и уставы военной службы, написаны кровью. А лишней крови ни у кого из них уже не было. Она была в дефиците, как в замке Дракулы в горах Трансильвании.

– Ну что же вы замолчали? – спросил через некоторое время полковник, посмеиваясь и прекрасно понимая какой саботаж происходит вокруг – Давайте. Смелее. Предлагайте! Апостол вот у нас все молчит и молчит. А наверняка уже что-то придумал. По глазам вижу! – Апостол заметно съезжился и нехотя заговорил.

– Ваше высокоблагородие, задача ясна, приложим все усилия к ее решению. Разрешите узнать, сколько комплектов сувениров понадобится?

– Не более десяти – полковник посмотрел на Апостола слегка с прищуром, не понимая, куда тот клонит.

– Ну, это совсем не много. Решим, ваше высокоблагородие. Возможности у нас есть, район оперативного обеспечения большой. Силы и средства отделения находятся в полном составе, оперативная обстановка на территории спокойная и контролируемая – Бенкендорф зажмурил глаза, поскольку эта попытка заболтать разговор в совершенно другое русло была очевидна даже для трехмесячного младенца, который просит новый iPhone, но ему упорно суют в руку погремушку – В настоящее время отделение приведено в надлежащее техническое состояние, решен вопрос с ремонтом гаража, обеспечением сигнализацией оружейной комнаты и пожарной сигнализацией. Работаем... Стараемся...

– Замечательно – полковник чуть придвинулся вперед и положил голову на огромную ладонь.

– Разрешите идти?

– Нет, не разрешаю. Мне нужны четкие предложения, а не вольный пересказ газеты «Крестьянская доля». Вечером от меня ждет ответа руководство, поэтому я жду этого ответа от вас. И как вы понимаете, прямо сейчас. Я никуда не тороплюсь, будем смотреть друг на друга, пока наши зиготы не сплетутся и не родят стоящую идею – полковник совершенно дружелюбно развел руками и захохотал – Поэтому я вам и говорю, давайте предложения. Любые. Абсурдные, глупые, идиотские. Будем вместе решать. На безрыбье и голод не тетка. Ясно?

– Так точно – еще менее весело отозвался Апостол – Будем думать.

– Что у вас из стоящего есть на территориях?

– Государственная бумажная мануфактура есть, но бумага вряд ли подойдет на сувениры...

– Верно мыслите, Апостол – беседа пошла быстрее, и полковник явно оживился от всеобщего мозгового штурма.

– Зато можно сделать блокноты, тетради, папки с логотипами Третьего отделения. Вот примерно как у вас – Апостол кивнул головой на край стола, где лежала совсем недавно подаренная полковнику папка.

– Мммм, это уже интересней. Давайте держать этот вариант как резервный. Только, думаю, что у них уже есть нечто подобное. Хотя идея стоящая... Продолжайте.

– Фанерная мануфактура есть. Лесопилки есть.

– Это все не то! Что же мы им, воз опила что ли подарим? Или десять кубов горбыля? Вот чувствую, Апостол, что вы уже на грани прорыва... Ну...? И...? – полковник улыбался, разряжая шутками атмосферу – Давайте, еще немного!

– Есть металлургическая концессия, там ложки сувенирные делают.

– Из чего?

– Бронза там, латунь всякая, нержавка.

– Из нашего материала сделают? Из серебра или из золота, например?

– Не знаю, возможно. Разговаривать нужно.

– Тэээк, вот и второй вариант родился! Из всякого говна ложки не подойдут, а вот из благородных металлов, возможно – полковник явно был доволен, поскольку теперь ему можно было хотя бы что-то доложить руководству и не быть при этом побито-посрамленным – Апостол, родите мне тройню! Я хочу от вас тройню из идей! Я просто мечтаю о ней!

– Ну, не знаю. Вроде бы все.

– Не может быть! Я чувствую в вас огромный потенциал! – полковник сделал как волшебник три коротких пасса руками в сторону Апостола в ожидании ответов, но их не последовало.

Он переместил энергетическую атаку в направлении Бенкендорфа, который хотел в этот момент применить волшебный контрприем и дематериализоваться в воздухе.

– Бенкендорф, а вы что от меня прячетесь? Я вижу ваши мысли насквозь, у вас они точно присутствуют. Что у вас есть в районах?

– Грибы есть. Ягоды.

– Обеспечением мероприятия грибами и ягодами у нас занимается другой отдел, но спасибо за информацию. Я ее учту в своей работе – полковник подмигнул – Что еще есть?

– Крестьянская община есть обанкротившаяся. Кроме земли и самих крепостных с них взять нечего – В какой-то момент раздумий лицо Бенкендорфа озарило счастье, и он вопреки заранее заготовленному плану молчания выдал – Аааа! Ваше высокоблагородие! Есть овощная плантация, там китайцы в теплицах огурцы с помидорами выращивают на пестицидах!

– И что? – полковник продолжал пассы руками, отчего выглядел воинственной и всемогущей реинкарнацией Сергия Радонежского – Какие огурцы, Бенкендорф?! Какие помидоры?! Нам эти огурцы в жопу вставят, если мы с сувенирами не определимся. А заодно и помидоры выкручивают.

– Ваше высокоблагородие, кажется, я придумал – перебил воспитательную речь начальника Апостол – Есть одна мысль.

– Апостол, я очень хорошо разбираюсь в людях, и в вас я точно не ошибся. Говорите скорей! – полковник вновь переместил центр внимания на Апостола.

– Есть у нас небольшой заводик на территории, матрешки делают и всякую другую деревянную дребедень. Игрушки, макеты домов, паровозики. Может гостям деревянные макеты Кремля подарить? Красиво будет.

– Нахрена им этот ваш деревянный Кремль? Они все-таки генералы, а не плотники – полковник посмотрел на Апостола с усталым видом и прямо здесь же закурил. Помолчав немного, он продолжил... – Но... Идея с матрешками интересная. Как они их разрисовывают? Вручную или трафаретом?

– У них точно работают художники, сам видел – быстро ответил Апостол.

Бенкендорф подозрительно покосился на своего начальника, явно не понимая, откуда он все это знает. Когда и при каких обстоятельствах Апостол успел узнать про фабрику, оставалось загадкой. Вполне возможно, что он наведывался туда за отходами производства в виде березовой щепы для своих морских свинок, которых успел завести, но никому об этом не сказал.

– Воооот! Матрешки же разборные, так? Понимаете, к чему я клоню? – Апостол с Бенкендорфом переглянулись и пожали плечами – Нет?! Да что же вы, дорогие мои опера?! Предлагаю в качестве сувениров остановить свой выбор на этих самых матрешках!

– Ваше высокоблагородие, вы, конечно, извините, но... – Апостол слушал крайне внимательно, стараясь уловить глубину мысли – Зачем?

– Эххх! Нет у вас художественной фантазии, Апостол. И у Бенкендорфа тоже ее нет. На уме, к большому сожалению, только огурцы с помидорами. А где же широта оперативной мысли? Нету? Поэтому вам очень повезло, что у вас есть я! Так что зацените план.

Все придвинулись ближе к столу, и Бенкендорфу в глаза шибанул густой сигаретный дым, от которого он непроизвольно заплакал. Если бы в этот момент в кабинет зашел посторонний, то он бы точно подумал, что за 30 секунд до этого Бенкендорфу ровняли зубы напильником и пытали полевым телефоном.

– Берите жопы в горсть и прямо сейчас летите как вонючий ветер на фабрику. Заставьте этих мастеров древнего зодчества сделать матрешки под размер бутылок Hennessy VSOP, образец я вам выдам. Только не вздумайте его выжрать! Вернете все, как было – полковник выудил из ящика стола красивую бутылку и протянул ее Апостолу – Вот, держите. Это соседний отдел, между прочим, уже свою часть программы выполнил. А мы что хуже что ли?! Не посраим?!

– Так точно... Не посраим... – Невесело отозвались присутствующие и заранее виновато склонили свои светлые очи вместе с русыми кудрями в пол.

– Далее прямо на фабрике находите дагерротип нашей генеральской формы и тычете им в морды малярам-штукатурам до момента полного осознания ими всей красоты боевой задачи. Ясно? – полковник настолько четко спланировал в голове фронтную операцию и был со стороны похож на одноглазого генерала Кутузова, нависшего над оперативными картами с цветастыми красными стрелами наступления.

– Все запомнили или может быть лучше записать? Бенкендорф, повторите план.

– Делаем матрешки в генеральской форме с бутылками внутри, ваше высокоблагородие! – отозвался совсем уже заплаканный к тому моменту Бенкендорф.

– Совершенно верно! Исполняйте.

И отделение пошло в беспощадную атаку! Выбежав на прямых ногах из кабинета начальника, Апостол и его младший помощник ринулись исполнять поставленную задачу, роняя на пол секретные документы. В этот же день началась эпохальная «Битва за матрешки», описанная в трудах великих военных теоретиков Сунь-Цзы и Альфреда фон Шлиффена. Началась она со штурма центральных редутов мануфактуры деревянных игрушек, которые оборонял женский батальон менеджеров.

Девушки долго не могли понять, чего же конкретно от них хотят два косноязычных мужчины в костюмах, показывающие им как люмпены бутылку коньяка со словами – Вот... Эээ... Надо, чтобы туда-сюда сделать. Ну чо? А? Ыыыы? Сначала я, потом десять раз!

Со стороны все намеки выглядели явно и недвусмысленно. Впору уже было вызывать городских, но в какой-то момент сторонам удалось достичь взаимопонимания. Девчонки были настолько клиентоориентированными и расторопными, что уже вечером в управление был доставлен на согласование первый опытный образец изделия.

Полковник схватил эту темно-синюю матрешку, отобрал у Апостола выданную ранее бутылку и побежал показывать сию диковину шефу губернского управления. Все остальные начальники отделов также подтягивались в заветный кабинет в сопровождении свиты

и демонстрировали свои достижения в добыче грибов, ягод и диковинных зверей. Прямо как на ярмарке!

Апостол и Бенкендорф стояли в коридоре и ждали своей участи, разглядывая истертые подковы на ногах и смахивая лошадиными хвостами слепней со своих мокрых спин. Наконец полковник вышел, но по его лицу нельзя было угадать эмоций.

– Ну что, орлы! Поздравляю с успешным выполнением задачи! Наша задумка произвела фурор! Только фуражку на матрешке пусть покрупнее сделают, а то матрешка на попу в погонах и митре похожа. В остальном – огонь! Так что с вас десять экземпляров к послезавтрашнему дню.

До сих пор историки точно не знают, сколько же крови было пролито в этом сражении, но уже через полтора дня Апостол и Бенкендорф тащили на своих горбах огромные коробки с деревянными болванками. Удивительным образом, количество подарочных комплектов увеличилось до тридцати, хотя бюджет мероприятия остался нулевым, а количество приезжающих генералов неизменным.

Во избежание мародерства, бутылки рассовывались по матрешкам лично полковником, с соблюдением требований всех секретных инструкций.

Не удивительно, что такая красота не могла остаться незамеченной, поэтому еще через несколько дней два героя битвы буквально ползли через внутренний двор управления, нагруженные как выючные мулы по горам Пакистана, с тем же самым ценным грузом.

Кроме этого, за спиной Бенкендорф держал как связку противотанковых гранат наборы деревянных кубиков в неизвестном количестве. Откуда руководство узнало о возможности приобретения на фабрике этих девайсов, Бенкендорф не знал. Маркировка «С 3+ лет» явно указывала, что великовозрастным мужчинам в суровой генеральской форме можно играть в них безо всякой опаски.

Вершиной зодчества, которое пришлось транспортировать в качестве подарка специальным рейсом, был деревянный паровоз, который в принципе, мог бы уместить в себе всю прибывшую компанию и вполне комфортно увезти ее назад в светлое будущее.

Все эти тривиальные звезды из золота, кизлярские ножи с гравировкой, казацкие шашки и ведомственные календари, все это оказалось детским лепетом по сравнению с копеечными деревянными матрешками. Такого искреннего восторга на лицах награждаемых Бенкендорф до этого еще не видел. Не зря же в народе есть поговорка – что стар, что млад – все одно.

Этим людям действительно было нужно что-либо практичное и с характером. Простое и в то же время, с истинным вкусом. Отечественное и патриотичное. Доступное и искрометное.

И самое главное – деревянное и продолговатое.

ГОРОД

Выйдя из аэропорта, Бенкендорф направился прямо к курилке, отмеченной синим указателем, черной надписью и белыми линиями на асфальте. Квадрат из этих линий не умещал всех желающих, поэтому люди стояли бесформенной толпой, а не логичной и привычной Бенкендорфу армейской «коробочкой». Ему неимоверно хотелось курить. Если бы прямо сейчас ему предложили на выбор перекур или пачку денег, то он, несомненно, выбрал бы пачку денег, но сразу после этого точно закурил.

Он еще раз прикинул в голове весь свой сегодняшний маршрут и сверил время. Километров пути и необходимых для их преодоления минут в запасе было более чем достаточно. Оставалось только стартовать от занимаемой в пространстве точки.

Выпустив из легких финальный и особо эпичный для окружающих кубометр табачного дыма, Бенкендорф прищуренным взглядом начал искать по сторонам опознавательные знаки «Аэроэкспресса», но их нигде не было. Удивившись такому неожиданному обстоятельству, он начал протирать глазные яблоки рукавом, в надежде исправить эти дефекты зрения. Но это не помогло, зрение осталось таким же плохим. Зато улучшилась память, и он с большим трудом вспомнил, где эта остановка находится.

Бесчисленные в этом году путешествия смешали образы всех известных Бенкендорфу аэропортов в одного уродливого Франкенштейна. В нем были двухъярусные транспортные эстакады Внуково, километровые переходы Шереметьево и облезлые электрички Домодедово. Далее по степени убывания значимости к ним присоединялись круглые аэропорты Ханты-Мансийска и Салехарда, безлюдного Екатеринбургa и неприметного Томска. Кое-что прилепилось от красоты Тюмени и ужаса Ноябрьска. Ну и в самом конце воображение дорисовывало к получившемуся порталу в небеса ржавчину ангара железнодорожного вокзала северного города Пурпе и микроскопичность полустанка еще более северного поселка Лабытнанги.

Так что ориентироваться во всем этом многообразии было крайне сложно.

Бенкендорф недовольно плюнул на асфальт и побрел обратно в здание аэропорта. Угадывая траекторию полета слюны, он с удивлением обнаружил, что вокруг почти все уже заплывано. Видимо, он был не единственным заблудившимся туристом.

На входе пришлось снова выложить содержимое карманов и поставить на ленту проверки багажа пустую сумку. Рамка металлоискателя как всегда пропиликала на что-то неизвестное даже самому Бенкендорфу, но заметно заспанный охранник не стал вдаваться в эти мелкие детали и демонстративно ничего подозрительного не заметил. Пользуясь таким благоволением, Бенкендорф схватил в охапку свое небогатое имущество и бодро двинулся в направлении Аэроэкспресса.

Ждать электрички оказалось недолго. Вернее, ее совсем не пришлось ждать. Красный гляцевый состав уже находился на путях с открытыми дверями. Оглядевшись Бенкендорф понял, что находится на безлюдной платформе в совершенном одиночестве.

Подавляющее большинство прибывающих в столицу было представителями среднего класса с ежемесячным доходом в семнадцать тысяч рублей. Поэтому люди все-таки экономили деньги, а не разбрасывались ими направо и налево, предпочитая передвигаться на более дешевых, но забитых до отказа маршрутках. Следовать их примеру и начинать свое путешествие с коммунистической давки Бенкендорфу совсем не хотелось. В этом случае, вопреки имеющемуся плану, день был бы испорчен в самом начале. Если план и предусматривал такое негативное развитие событий, то точно не с самого утра.

Расположившись на одном из сидений, Бенкендорф увидел лежащий рядом рекламный журнал РЖД. Примерно такой же, но более опрятный с виду шедевр, он успел пролистать в самолете. Обложка же этого поделия была изрядно потрепанной и не вызывала желания к ней

прикасаюсь. Было стойкое ощущение, что кто-то специально выделил время и усердно его трепал, поскольку сделать это случайным образом просто невозможно.

Бенкендорф успел подумать, что это был неустановленный диверсант, которому враги выделили самую перспективную линию работы – трепать журналы в Аэроэкспрессе, чтобы унижить тем самым грандиозное величие нашего государства. Попытаться нивелировать всеобъемлющие российские достижения последних лет, что сделать не так-то просто ввиду их неисчислимости и необъятности. Это точно был чрезвычайно гадливый шпион экстра-класса.

Передернувшись от омерзения к этому шпиону, да и к журналу тоже, Бенкендорф решил скоротать время за чтением в интернете свежих новостей, от которых неудобно приподнимались дыбом волосы. Приходилось постоянно отвлекаться и их приглаживать, так что он даже не заметил, как электричка тронулась и начала набирать скорость.

Еще в полете Бенкендорф заметил просто грандиозное количествостроек на окружающих пространствах. С земли же масштаб возведения «человеяников» с квартирами площадью от четырнадцати квадратных метров показался ему еще более зловещим. Было ощущение, что строится все и всюду.

Особенно монументально смотрелись серые, и еще не облицованные, монолитные многоэтажки циклопических размеров, распаханные на самых заброшенных пустырях. Они глядели на окружающие их облезлые поля черными и пустыми глазницами еще не застекленных окон и росли как грибы то тут то там. Совершенно в хаотичном порядке. Как бетонные ДОТы, они возвышались над землей даже в тех местах, где на ней в принципе никому в голову не пришло бы в голову что-либо взращивать. Ни детских садов, ни школ, ни больниц, ни даже храмов шаговой доступности рядом не наблюдалось.

Глядя на масштабы ударного строительства, Бенкендорф почему-то вспомнил документальный исторический фильм про оборону Москвы. В его голове замелькали кадры с народным ополчением и добровольцами, махающими лопатами и построившими тысячи километров траншей и укреплений. Пехота и танки, ползущие по этим полям. Как только строящиеся дома за окном сменились редкими перелесками, то в ушах Бенкендорфа заиграла пронзительная мелодия на гармонии, и в четкие логичные цепи слов тут же выстроились в стихи.

«А под утро все взревет, полетит куда-то.

И поперет на пулемет в штыковую с матом.

И деревья все вверх дном, ввысь растут коренья.

В этом страшном боевом месте преступления.

Расчудесный уголок, не леса, а сказка.

Наступил на бугорок, глядь, а это каска.

Чуть копнул – и вот тебе котелок да ложка,

И над этим надо всем ягода морошка.

Уловив крайне невеселый смысл этого повествования, Бенкендорф почувствовал холод на затылке и спине, отчего немного вздрогнул. Неисповедимы пути Господни, как и неисповедимы боевые пути...

Вроде бы сидишь ты в электричке, смотришь по сторонам, а вокруг тишь да гладь. Но это только кажется. Стоит только задуматься, и картина уже не выглядит такой же радужной, как флаг Еврейской автономной области.

В августе 1941 года 20 Армия РККА была почти полностью разбита в окружении под Смоленском. В октябре она вновь оказалась в окружении и теперь укладывала по несколько бойцов на один квадратный метр теперь уже под Вязьмой. В итоге этих хитрых геостратегических планов и военных маневров командующий армией был взят в плен, комиссар погиб, а полевое управление армии вообще было расформировано.

Но уже в декабре 1941 года именно по этим самым полям и перелескам рядом с аэропортом Шереметьево (имени переворачивающегося в гробу А. С. Пушкина) вновь сформиро-

ванная 20 Армия перла в атаку, освобождая Красную поляну, а потом Солнечногорск и Волоколамск, отгоняя немцев от Москвы.

Сейчас не принято об этом вспоминать и размышлять, поскольку можно ненароком задеть чьи-нибудь чувства или, что еще хуже, исказить священную историю. Сейчас вообще и размышлять-то не очень принято. Тем не менее, командовал этой армией генерал Власов. Да, да! Тот самый Власов, который запечатлен на фотографиях и кинохронике преимущественно в форме СС.

Разглядывая окружающие ландшафты за окном, Бенкендорф заметил в небе стаю журавлей. Почуввав близкую зиму, эти пернатые животные усиленно махали крыльями и покидали свои пристанища, променяв их на далеко непатриотичные теплые края.

Эхххх... Журавли вы мои журавли... – подумал Бенкендорф и опустил глаза в пол.

ЖУРАВЛЬ

Бенкендорф очень любил заступать на службу помощником оперативного дежурного управления НКВД. Во-первых, это было полезно для карьеры, поскольку остальные представители вооруженного отряда партии видели его в лицо и запоминали его фамилию на уровне подкорки головного мозга. Во-вторых, это было безопасно, поскольку в управлениях НКВД редко происходят какие-либо события по линии дежурной части. К тому же за них всегда отвечает сам оперативный дежурный, а не помощник. В-третьих, это было красиво, поскольку для участия в этом событии разрешалось добраться до управления в форме. Особенно эффектно получалось прибыть на дежурство летом, с пристегнутой к ремню кобурой, в рубашке с коротким рукавом, погонами и фуражке.

Зимой Бенкендорф дежурить не пробовал, но подозревал, что бродить по улицам в облезлом бушлате и помятой формовке не так красиво.

Дежурство начиналось, как и обычный рабочий день, но требовалось прибыть в управление раньше, чтобы пройти инструктаж, смениться на разводе и получить табельный револьвер-наган. После приезда руководства и одобрения кандидатур самых смелых и ответственных чекистов в регионе, начиналось всedневное бдение. И это было еще одним огромным плюсом. Бдение заключалось в травлении веселых баек соседу и игре в косынку.

Поскольку компьютер тогда еще не изобрели, играть приходилось настоящими картами, сделанными в лучших традициях ГУЛАГа из хлебного мякиша. Это, конечно, шутка. Хотя компьютеров в те далекие времена действительно не было.

Очень редко нужно было отправить или принять телеграфные сообщения. Иногда кто-нибудь звонил, но в подавляющем большинстве случаев, как выяснялось позднее, люди ошибались номером. Иногда они ошибались, что ошибались номером, но это было уже не важно.

По устоявшейся традиции, Бенкендорф так и говорил далеким собеседникам: «Мы этим не занимаемся, звоните в милицию!». Этому основному правилу помощника оперативного дежурного его обучили при первом же заступлении в наряд, предупредив, что будут строго следить за его соблюдением.

В зависимости от обстоятельств проблемы, Бенкендорф применял фантазию и заменял милицию на прокуратуру, суд, Спортлото или Деда Мороза. Это не возбранялось и даже поощрялось. В смежных ведомствах поступали также по-скотски, отправляя людей жаловаться в НКВД, поэтому запущенный бумеранг возвращался им обратно. А люди продолжали ходить по бюрократическому кругу, что в итоге и требовалось.

Эта добрая традиция должна быть высечена огромным шрифтом прямо на воротах Лубянки, а также в инструкциях и приказах. Но, к сожалению, она просто передается в качестве основной заповеди только на словах от пращуров к младенцам. Дабы никто не узнал ее истинный источник и не смог сразу же обратиться по нужному адресу.

После обеда уже совершенно нечем было заняться. Народ терял боевой дух, а морально-волевые (иногда и аморально-волевые) качества основной группировки войск существенно падали. Поэтому и темп работы замедлялся до уровня движений стаи ленивцев на дереве. Организмы военнослужащих медленно усваивали купленные в столовой протеины и энергосмкий майонез.

Бенкендорф мучился от безделья и просто пересчитывал прилипших на липкой ленте под потолком мертвых мух. При этом он качался на стуле, что было невиданным хамством! Оперативный дежурный сидел за своим пультом слева и дремал с закрытыми глазами, что было еще более невиданным хамством! Но поскольку официально все были заняты интенсивнейшим трудом на износ, никто этих вопиющих нарушений воинских уставов не замечал. Некогда было обращать внимание на всякую ерунду.

Вот это солидарность! – думал Бенкендорф про себя – Ну как же так? Неужели муха не видит, что вокруг уже просто десятки таких же ее самонадеянных соплеменников уже пристыли к желтой поверхности липкой пленки и иссохли как мумии под палящими лучами 25 ваттной лампочки дневного света. На что она надеялась?

Мало того, что эта муха находится в самом безопасном месте планеты, на котором специально для предотвращения любой опасности построили управление НКВД. Мало того, что в этом эпицентре безопасности она нашла себе самое безопасное помещение, в котором специально для предотвращения страшной опасности находились два вооруженных офицера, владеющих приемами рукопашного боя. Она еще и прилипла в самом углу дежурки при входе вообще в святую святых – оружейную комнату. Так что оставалось только посочувствовать ее неудаче.

Бенкендорф начинал засыпать от этих дурных мыслей, поэтому решил прогуляться и осуществить визуальный осмотр помещений на предмет оценки безопасности от опасности. То есть просто покурить. Он специально громко кашлянул, чтобы оперативный дежурный проснулся и за время отсутствия помощника не попался руководству спящим. У дежурного были дети и ведомственная квартира, на которых эта дремота могла сказаться крайне негативным образом.

– Я на обход

– Понял, принял – ответил дежурный и на всякий случай потянулся рукой к банке с кофе и кружке.

Бенкендорф вышел на крыльцо и закурил. Рабочий день подходил к концу, и на внутреннем дворе уже никого не было. Почти все стремились как можно быстрее свалить домой. Руководство же покидало бастионы последним, поэтому до сих пор было на месте. Так что окончательно расслабляться, переодеваясь при этом в майку-алкашку и сатиновые трико, было преждевременным.

Докурив и выкинув бычок в урну, Бенкендорф откровенно симулировал, что бдительно осматривает весь забор по периметру. На самом деле он не просто тянул время, но и выполнял определенный ритуал. В управлении нередко проходили негласные учения по его захвату, в ходе которых специально обученные сотрудники, выступающие в роли империалистических диверсантов, перелезали через этот самый забор и всегда без исключений захватывали объект. Не было ни одного случая, когда они выбирали иной маршрут или терпели фиаско.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.